

В прошлый раз...

"Мне нравятся твои серьги из репы. Это ты их сделала?"

"Если хочешь, я могу научить тебя делать свои собственные". радостно предложила Луна.

"Правда?" взволнованно спросила Гера. Луна кивнула. "Злая!"

Глава 12

К тому времени, когда всех рассортировали, стало известно, что Гера схватила Дементора. И что самое удивительное, услышав это, она не набросилась на друзей. Она уставилась на Люпина, и только когда увидела его руки, поднятые в знак сдачи, посмотрела на Рона, который стоял через дорогу от нее. Мальчик даже не понял, что попал в беду, хотя в данный момент он говорил о том, что она не хотела, чтобы кто-то придавал этому значение, пока Невилл не указал ему на это. Мальчик побледнел, увидев, что она сердится на него, и выглядел каким-то линиялым и растерянным. Гера лишь закатила глаза и вернулась к еде: если Рон не понимает, почему она на него злится, значит, он заслуживает всего, что получит. Может быть, она посоветуется с его братьями.

На следующий день, пока Рон изучал расписание Гермионы, Гера втайне усмехалась. Она была рада, что он не видел и ее расписания. Гермиона была не единственной, кто попытался это сделать, и им пришлось поклясться не использовать этот шанс. Обе девушки решили не объединяться, чтобы не терять время, так как они сведут друг друга с ума, пытаясь разобраться с чужим образом действий. Гера с нетерпением ждала первого урока Хагрида, на котором он должен был объяснить, что такое кусачая книга, и даже когда они копытами проделали весь путь до башни Прорицания, ей не терпелось увидеть, что он будет делать.

Гера внутренне захихикала от нечестивого ликования, когда они добрались до Дивината. Как только она увидела, как дернулся глаз Гермионы, она поняла. Дивинация - это часть разума, которую Гермиона не понимала, что было странно, учитывая, что она была ведьмой и все такое. Гадание задействовало инстинкт, интуицию, воображение и веру. Норны говорили через плетения с теми, кто был достаточно открыт, чтобы их услышать, а Гермиона полагалась на то,

что можно было проверить с помощью неопровержимых фактов, возможно, даже более жестоких из-за того, что произошло в прошлом году. Выяснилось, что Локхарт украл все эти истории у других и приукрасил их до неузнаваемости; но было ли заклятие снято его смертью или каким-то другим способом, никто не знал. Гермиона не была достаточно открыта, чтобы услышать Нора, если бы они попытались заговорить с ней.

"Профессор!" позвала Гера, когда профессор Трелони закончил подробно расписывать им расписание на несколько лет вперед. "Что насчет ткачества? Будем ли мы изучать его в этом году?"

"Мисс Поттер, ткачество на ткацких станках, изображающее будущее до его наступления, уже несколько лет как вышло из обихода, но если вас это заинтересует, мы можем сделать для вас дополнительный проект". Профессор Трелони объяснил, выглядя приятно удивленным. "5 баллов Гриффиндору за вашу прозорливость и исследование предмета".

Чем больше Гера общалась с профессором, даже несмотря на то, что Рон читал ей чай, тем более скандальной становилась Гермиона. Гермиона не могла понять, что это за предмет, по которому Гера высказывалась более резко, и который Гермиона сразу же отбросила, посчитав его сумасбродной ерундой, еще до того, как они пришли на урок. Хуже всего было то, что Гера не говорила об этом так, как Лаванда. Чем больше вопросов она задавала, тем серьезнее относилась к ней Трелони, а когда та предсказала ей смерть, Гера просто пожала плечами. Она едва не умирала по меньшей мере три раза в год, и это еще до того, как начала учиться в Хогвартсе.

Гера следила за тем, чтобы Гермиона не бунтовала по этому поводу. Она не очень хорошо разбиралась в цифрах и вероятностях, но могла понять, как это может повлиять на любовь Гермионы к порядку. Как только Гермиона поняла, что эти два предмета связаны с одним и тем же, просто по-разному воспринимаются, дело пошло лучше. Она согласилась помочь Гере с математикой Арифмантии, а Гера - с тем, чтобы Гермиона научилась слушать свою магию. На этом уровне основой Прорицания были в основном инстинкты и умение слушать, что говорит им магия человека, любить это чудо, но подготовительная работа могла бы сослужить хорошую службу на последующих занятиях, даже на Зельях.

Первое занятие Хагрида на следующий день прошло хорошо... вроде бы. Никто не мог остановить книги, пытавшиеся их съесть, даже Гера, поэтому никто не мог их читать. Все книги были переплетены, и Хагрид выглядел подавленным, когда понял, что никто не догадался открыть их. Оглядываясь назад, можно сказать, что это было забавно, но он не должен был пытаться сделать это без предупреждения. Мужчина просто не воспринимал опасность так же, как остальные.

Гиппогрифы были прекрасны: задние конечности как у лошади, а голова и крылья как у гигантского орла; на передних ногах даже были когти! Хагрид рассказал, что с ними нужно

быть осторожными, что их легко обидеть, на что Малфой должен был обратить внимание, но не обратил. Гера ни за что не собирался упускать шанс полетать. Бакбик был великолепен! Итак, она прошла все этапы: пристальный взгляд, низкий и царственный поклон и ожидание. Сам полет, не поддающийся описанию, самая большая свобода, которую она когда-либо чувствовала, когда не летала на собственной метле, закончился слишком быстро.

Все произошло в одно мгновение. Малфой взял под контроль Бакбика, тот поклонился ему, но существо плохо отреагировало на снисходительность, прозвучавшую из уст мальчика. Гера даже не успела осознать, что она сделала, как она бросилась к Малфою, прежде чем он успел закончить свою фразу, схватила его за воротник и рывком отбросила мальчика-идиота назад как раз вовремя, чтобы он успел опустить когти и зацепить ее левую руку, которая была поднята в попытке защитить их от удара. Все еще находились в состоянии шока, когда она разжала кулак другой руки и ударила гиппогрифа по лицу. Удивительнее всего было то, что сила удара заставила Бакбика отступить на шаг или два назад в дезориентации.

"Нет!" - прорычала Гера, указывая на Бакбика, когда тот снова бросился на нее, заставив существо остановиться. "Ты гордый и благородный зверь! Ты не должен вести себя так!"

В его щебечущем ответе даже прозвучало возмущение.

"Конечно, он оскорбил тебя! Он же идиот! Тебе лучше знать!" сердито огрызнулась она. "А теперь возвращайся в свой загон и подумай о том, что ты только что сделал!"

Бакбик, надувшись, выполнил приказ, то и дело поглядывая на Малфоя.

"Э-э... Гера?" нерешительно пробормотал Рон.

"Да, Рон?" спросила Гера, глядя на своего друга, который медленно пробирался к ней, словно она была каким-то раненым животным.

"Возможно, мы захотим... пойти к мадам Помфри... теперь, когда ты через..... отбиваешься от гиппогрифа,... ну, ты понимаешь..." Он побледнел и неопределенно указал на нее. "...чтобы осмотреть вашу руку".

Она опустила взгляд на руку и поняла, что он прав. Она вся кровоточила. Как она этого не почувствовала? Шок? Хагрид был бледен как никогда, и тут до нее дошло, что она только что натворила. О боже, она ударила гиппогрифа! Малфой смотрел на неё широко раскрытыми

глазами со своего места на земле, его волосы и одежда были растрепаны, но он был не единственным, кто смотрел на неё. Весь класс в шоке смотрел на нее. Она оцепенело вернулась к разглядыванию своей руки.

"Хм..." Она пробормотала, а затем начала хихикать. "Эй, Рон... Рон... Кто хочет рассказать профессору МакГонагалл, что я ударила гиппогрифа по лицу?!"

"Давай зайдем внутрь, Гера. У тебя межшоковый шок". Хагрид мягко настаивал, увидев, что остальные гиппогрифы последовали за Бакбиком. "Малфой в долгу перед тобой за это, я подозреваю. Магия узнает. Идемте. Занятия окончены!"

"Гермиона?" спросила Гера, глядя на подругу. "Мои вещи?... занятия?"

"Я разберусь с этим". пообещала Гермиона.

"О... хорошо..." Гера кивнула, а затем быстро отключилась.

Даже узнав об инциденте с дементором в поезде, никто из профессоров не был готов к тому, что Хагрид понесет в школу Геру Поттер с кровоточащей рукой. Она выглядела такой маленькой, но Хагрид смотрел на нее со смесью беспокойства и преклонения перед героем. Разумеется, ожидалось, что Хагрид отнесет ее в лазарет. Профессора в шоке наблюдали за происходящим, и только когда мужчина ушел, они смогли пошевелиться. В этот момент к ним подбегают несколько студентов из класса, и Минерва останавливает одного из них.

"Мистер Уизли, не могли бы вы объяснить мне, что случилось с мисс Поттер?" "О, ничего особенного, профессор", - рассеянно ответил мальчик. Мальчик ответил рассеянно, его глаза следили за Хагридом больше, чем он обращал внимание на нее. "Она только что спасла Малфоя, ударив гиппогрифа по морде".

"О." Минерве удалось вымолвить. "И это все?"

Мальчик кивнул и отправился на следующий урок. Несомненно, в скором времени ему предстояло посетить лазарет. Несмотря на то, что он быстро приходил в ярость и говорил о вещах, о которых его друзья хотели бы умолчать, мальчик был хорошим другом. Минерва вздохнула и принялась рассказывать остальным о том, что узнала. Судя по всему, этот год будет именно таким.

У Альбуса Персиваля Вульфрика Брайана Дамблдора была проблема - Гера Поттер. Он знал, что она всегда не оправдывала ожиданий. В тот день, когда он держал ее на руках, он знал, что она пережила убийственное проклятие, бросив вызов судьбе, и стала ключом, необходимым для победы над Волдемортом; он знал, что это означает для нее, когда она вырастет, учитывая пророчество и все остальное, не говоря уже о назойливых местоимениях. Когда он отдал её к Дурслям, чтобы укрепить кровные заветы, появившиеся благодаря жертве Лили, он знал, на что оставляет её, знал, что там она не познает любви семьи. Он ожидал, что она вернется в мир волшебников разбитой девочкой, но в её глазах была сила, в которой он даже не был уверен.

В первый год она разрушила его хорошо продуманную ловушку, разбила зеркало и вернула камень Никоя. Он до сих пор не знал, что она видит, ведь девушка была прирожденной окклюменцией - дар настолько редкий, что практически не встречался. Квиррелл по-прежнему проходил через препятствия, думая, что камень находится на другой стороне. Альбус предупредил Никоя, что это знак того, что камень нужно уничтожить, но тот отмахнулся от него простым "Держи руки при себе, Альбус", и на этом всё закончилось. Награждение девочки и ее друзей за их старания обернулось плачевно не только для нее, но и для Дома, у которого он пытался отобрать Кубок.

На втором курсе в школу был введен Локхарт - решение, с которым не согласился никто из его подчиненных. Он уже несколько лет пытался избавиться DADA от проклятия, но пока его попытки заканчивались неудачей. Привлечение Разрушителей проклятий означало вовлечение Гринготтса и Министерства, а его собственная упрямая гордость не желала уступать этому. Проклятие, похоже, становилось все более настойчивым, раз Локхарт исчез в середине года, хотя Альбус до сих пор не мог понять, каким образом. Конечно, из-за него было трудно найти учителей, зная, что должность может убить их или заставить исчезнуть в неизвестном направлении.

Обнаружить, что Петтигрю жив и уже более десяти лет живет в семье Уизли в качестве крысы, было настоящим шоком. А то, что это делало Сириуса Блэка невиновным, внесло изюминку в его планы; хотя он и не настаивал на заключении этого человека в Азкабан, но и не возражал против отсутствия настоящего суда. Ему нужно было, чтобы Гера осталась с Дурслями, хотя кровные заслоны все еще оставались слабыми, и это не могло не вызывать беспокойства. Они действительно должны быть уже сильнее. Наверняка им нужна была только близость, а не настоящие эмоциональные узы, или он просчитался?

Если Блэка официально оправдают и разрешат взять под опеку Геру, его контроль над ней исчезнет. Она и без того была не в себе, а если ей показать, какой может быть любящая семья, он потеряет ее навсегда. Ребенок, всю жизнь знавший любовь, может не пожертвовать собой, слишком желая держаться за ту любовь, которую он всегда знал. Ребенок, познавший пренебрежение и боль, найдя любовь, за которую можно бороться, отдаст все, чтобы спасти ее. Ему нужно было, чтобы она доверяла ему, любила его, чтобы, когда придет время жертвовать собой, она не колебалась.

Именно поэтому он позволил Долорес расставить дементоров по территории школы, даже зная о невиновности Блэка, надеясь, что Гера будет бояться того, чего не знает. Он уже должен был понять, что так дело не пойдёт: она не доверяла ему, не любила его и относилась к нему лишь с уважением, причитающимся ему как директору школы, которую она посещала. Он не уделял много времени разговору с ней, как теперь понял, что должен был. Она не испытывала к нему той преданности, которую испытывали ее родители. Ей не на чем было основываться.

Истории о том, как она схватила дементора, чтобы он не отправился за ее друзьями, были слишком дикими, чтобы в них можно было поверить. Когда Хагрид осторожно внёс её в дом, повсюду капала кровь, он понял, что следовало бы больше доверять этим рассказам. Минерва вернулась с очередной историей, в которую невозможно было поверить, но доказательства этого капали на пол. Гера ударила гиппогрифа по лицу, чтобы спасти Малфоя. Теперь Гера стояла перед ним в едва подавляемой ярости, её рука всё ещё была перевязана, а он говорил ей, что она не может пойти в Хогсмид из-за опасности, которую представляет собой ситуация с Блэком и дементорами.

"Боюсь, что как ваш магический опекун я не могу этого допустить". Альбус заявил, излучая дедовскую заботу. На его слова она замерла всем телом, и это было единственное предупреждение, которое он проигнорировал, не подумав признать его таковым.

"Значит, вы объявляете об этом? Официально? При свидетелях?" неожиданно спросила она. Ему следовало спросить, что она имела в виду. Разумеется, глава ее дома будет здесь, как и Северус.

"Конечно!" благодушно ответил Альбус.

В этот момент перед его глазами появился сложенный вдвое лист пергамента, который плавно опустился на стол и нерешительно поднял его. Это был вызов в суд, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против него Гринготтсом: неисполнение обязанностей и нарушение контракта - довольно серьезные преступления в мире волшебников. Он перевёл взгляд с пергамента на Геру и обратно. Возможно, подумал он, Джеймс слишком удачно назвал свою дочь. Похоже, ее походы в Гринготтс были гораздо более информативными, чем ему хотелось бы, и теперь у него появилась еще одна проблема. Как ее магический опекун, он должен был просвещать ее о магическом наследии и обязанностях наследницы Поттеров, а он отмахнулся от этого в пользу Высшего Блага. Придется приложить немало усилий, чтобы выпутаться из этой ситуации.

"Если это все, профессор, то я провожу вас". заметила Гера и, развернувшись на каблуках, вышла из кабинета.

Ремус Люпин весь семестр безуспешно пытался поговорить с Герой. Ему было неприятно, что ребенок его лучшего друга сторонится его, но, с другой стороны, она ведь не знала его. Он держался в стороне, стыдясь того, что его не было рядом, когда это было важно. Когда одна из ее подруг, мисс Гермiona Грейнджер, объяснила, что Гилдерой Локхарт пытался использовать любой повод, чтобы использовать Геру для славы, а Квиррелл пытался убить ее в конце первого курса... это многое объяснило. Он до сих пор не знал, что думать об инциденте с дементорами или о том, что она ударила гиппогрифа по морде; Джеймс бы смеялся, катаясь в своей могиле, как гиена, если бы знал.

То, что ей каким-то образом удалось оправдать Сириуса Блэка и при этом выяснить, что Питер Петтигрю все еще жив, поразило его. Она была умна и яростно предана своим друзьям; Лили гордилась бы ею. Однако она казалась немного... отстраненной... даже от своих друзей, и это ему объяснили. Школа подвергла её остракизму за способность говорить на парселтанге, и она не очень хорошо это восприняла. По словам мисс Грейнджер, Гера все еще смирялась с тем, что считала предательством. В конце концов, узнать, что вновь обретенные друзья могут так легко отвернуться от тебя, должно быть, было настоящим потрясением.

"Мисс Поттер, я рад, что вы наконец-то решили поговорить со мной". Люпин заявил, увидев, что она замешкалась в дверях. "Пожалуйста, присаживайтесь. Знаете ли вы, почему я пытался поговорить с вами?"

"Первый профессор хотел меня убить, второй - использовать, чтобы поднять свою славу". Гера смущенно призналась, усевшись в кресло перед его столом. "Я просто предположила, что вы поступите так же. Простите, профессор".

"Я знал ваших родителей еще в школе. Тогда мы были лучшими друзьями". Профессор Люпин раскрыл рот, ожидая увидеть нетерпеливого ребенка, который надеется услышать больше о ее родителях. Вместо этого он получил холодный пустой взгляд.

"О. Вы один из них". Гера прохладно улыбнулась, показавшись Северусу чертовски похожей на себя. Она не знала, что вскоре после того, как она села, в комнату вошел сам мужчина, и что сейчас он так высоко вскинул брови от шока, что они обе скрылись в его волосах. "Жаль. Из всех близких друзей моих матери и отца ни один не додумался проведать меня у Дурслей. Если они были таковыми. Хорошими. Другими моей матери, то уж точно знали бы, что из себя представляет ее сестра. Но вы появляетесь здесь после того, как прошло более десяти лет моей жизни, и ждете, что я буду улыбаться и рассказывать? Думаю, я пройду мимо, профессор. Спасибо, но не стоит благодарности".

Она ушла, не сказав ни слова профессору, который последовал за ней, лишь кивнув и пробормотав. "Профессор!", когда она проходила мимо.

Из-за того, что Гера решила навестить дементоров при первой же возможности, они не стали набиваться на поле для квиддича, когда там проходила игра. Однако последний матч они проиграли, и она знала, что не должна была играть с забинтованной рукой, да еще и под присмотром мадам Помфри. Оливер был вне себя от горя и мыслей о дальнейших тренировках по квиддичу, а Диггори похвалил ее полет. Хэллоуин прошел незаметно, и Рождество приближалось стремительно. Она отправилась в Хогсмид со своими друзьями, несмотря на протесты Дамблдора и лишение профессора МакГонагалл баллов Дома, и совсем забыла о том, что у нее есть проблема с преследователем... пока две руки не сомкнулись на ее плечах с разных сторон.

"Гред, Фордж, как я рада вас видеть". Гера легкомысленно заметила, в ее голосе звучал сарказм. "Разве это не прелесть?"

"Они так быстро растут, правда, Гред?" спросил Фред, глядя на Джорджа.

"Действительно, Фордж". Джордж ответил, ухмыляясь, но затем его выражение лица стало более серьезным. "Ты часто пропадаешь, Гера".

"Мы ничего не говорили в прошлом году, потому что тебе нужно было сбежать". Фред продолжил.

"Но в этом году ты продолжила, и мы обеспокоены". Джордж признался, прежде чем она успела рассердиться.

"Так вот почему вы следили за мной?" поняла Гера, глядя на них двоих. "Вы беспокоитесь? Обо мне?"

"Да, беспокоюсь. О тебе". Фред фыркнул.

"Что это за вопрос?" спросил Джордж, резко схватившись за грудь.

"Как будто она нас не любит!" воскликнул Фред, прикрывая глаза рукой.

"Ладно, вы двое, что с вами?" Гера фыркнул, глядя на их выходки.

В старом заброшенном классе они объясняют Карту Мародеров. Если правильно произнести фразу, можно выследить любого в школе. Гера вынуждена признать, что это великолепная магия слежения, но для нее конфиденциальность превыше всего. Ее успокаивает лишь тот факт, что они никого не запугивали с помощью этой карты, а просто использовали ее, чтобы обойти патрули в комендантский час и прочее. В прошлом году они следили за ней, потому что боялись, что она натворит что-нибудь вредное, и когда она продолжала исчезать, каждый раз думали о худшем. Неудивительно, что они стали ее преследовать.

"Послушайте, я не уверена, что могу сказать вам, куда я ходила. Это своего рода секрет". Она ответила резко.

Если они не поняли намека, значит, они не настолько умны, как она считала. То, как одновременно загорелись их глаза, подсказало ей, что они все поняли. Они не просили показать им это место, и она не думала, что готова поделиться с ними, но им было легче от того, что они знали, куда она теперь направляется. Ни Фред, ни Джордж не

ни Фред, ни Джордж никогда не смеялись над ней и не подвергали остракизму за то, что она умеет разговаривать со змеями. Может быть, она поговорит об этом с Йёром и узнает, что он думает.

<http://erolate.com/book/4402/158681>